

и слушающим : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2007. С. 13–23.

8. Мокиенко В. М. Толковый словарь языка Совдепии : ок. 10 000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ : Астрель, 2005. 505 с.

9. Штайн К. Э. Заумь идеологического дискурса в свете лингвистической относительности // Текст. Узоры ковра : сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». Вып. 4. Ч. 2. Общие проблемы исследования текста. СПб. — Ставрополь : Изд-во СГУ, 1999. С. 114–121.

10. Почепцов Г. Г. Тоталитарный человек. Очерки тоталитарного символизма и мифологии. Киев : Глобус, 1994. 152 с.

11. Мокиенко В. М. Предисловие к первому изданию // Мокиенко В. М. Толковый словарь языка Совдепии : ок. 10 000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ : Астрель, 2005. С. 3–12.

© Айданова Ю. Ф., 2020

УДК 81'42:81'38

Науч. спец. 10.02.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-29-56-58

«ПАНДЕМИЧЕСКОЕ» СОДЕРЖАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ФОРМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИГРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена новому языковому наполнению жанров скороговорки, частушки и пословицы, относящихся к малым фольклорным формам, в аспекте игровой коммуникации, стимулом для которой послужила пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Авторы приходят к выводу, что речевое пространство Интернета в сочетании с лингвокреативными способностями носителей языка служит источником как иронии над повседневностью, так и самоиронии над бытием в новых пандемических условиях. Наполнение традиционных фольклорных форм новым содержанием в этой связи также подчеркивает их актуальность и жизнестойкость в современной коммуникации.

Ключевые слова: языковая игра, лингвокреативность, коронавирус, скороговорка, частушка, пословица, трансформ.

Е. Ю. Виданов, И. Л. Муль

E. Yu. Vidanov, I. L. Mul

“PANDEMIC” CONTENT OF TRADITIONAL FOLKLORE FORMS IN THE CONDITIONS OF MODERN GAME COMMUNICATION

The article is devoted to the new linguistic content of the tongue twisters, ditties and proverbs genres related to small folklore forms, in the aspect of game communication, which was stimulated by the pandemic of the new coronavirus infection (COVID-19). The authors come to the conclusion that the speech space of the Internet, combined with the linguistic and creative abilities of native speakers, serve as a source of both irony in everyday life and self-irony in being in the new pandemic conditions. Filling traditional folklore forms with new content in this regard also emphasizes their relevance and resilience in modern communication.

Keywords: language game, linguistic creativity, coronavirus, tongue twister, ditty, proverb, transform.

Речевая действительность нашего времени как порождение ментальной деятельности социума и отдельного индивида обнаруживает мощнейшее креативное начало, связанное как с общеязыковыми глобальными тенденциями (игроизация, карнавализация, демократизация, усиление личностного начала и др.), так и с конкретными реалиями, которые вторгаются в «однозвучный жизни шум» (А. С. Пушкин) и создают вокруг себя поле социального, эмоционально-психологического и оценочного напряжения.

Одним из глобальных событий 2020 г., существенно повлиявших на жизнь человека и его понимание действительности, стала новая коронавирусная инфекция и вызванная ею пандемия. Осмысление событий, происходящих вокруг, приводит к тому, что все дискурсивные сферы так или иначе, в соответствии со своей спецификой, реагируют на внеязыковой «раздражитель»: новостные ТВ-программы, газетные публикации, разговоры в транспорте и на кухне — повсюду слышна коронавирусная тематика.

Коммуникативное пространство Интернета с присущими ему массовостью, доступностью широкой аудитории, активным текстопорождающим началом естественным образом живо откликается на внешние вызовы, генерируя разноформатные, разножанровые речевые произведения, в фокусе которых всё тот же коронавирус.

Цель настоящей статьи — изучение жанровой специфики малых текстовых форм в аспекте их тематики, мотивов и лингвокреативной природы. Основное внимание будет уделено современным фольклорным формам, т. е. текстам, которые не имеют конкретного автора или авторство которых неактуально (утрачено для носителя обыденного языкового сознания). Даже беглое знакомство с такими текстами позволяет заметить, что их содержательная сторона и ярко выраженная оценочная направленность резко контрастируют с формально-содержательными параметрами текстов официального характера, которые рядовой носитель языка воспринимает из соответствующих источников информации. Именно Интернет, давно

ставший «главной речевой сферой обитания многих носителей языка» [1, с. 249], представляет собой глобальную игровую площадку, на которой любой говорящий (пишущий), независимо от своего социального или иного статуса, может не только проявить речетворческие способности, но и «выплеснуть» всё, что накопилось в душе за долгие месяцы существования бок о бок с коварной инфекцией. При этом важно, что говорящий (анонимный или — реже — авторизованный) уверен: его мнение, выраженное в яркой, необычной словесной форме, обязательно будет замечено и по достоинству оценено массовым пользователем, эмоциональные порывы, вербализованные в остроумной форме, получают одобрение и будут подхвачены единомышленниками.

Обратимся к конкретным текстовым формам, которые по принципу соотнесенности с определенным фольклорным общеизвестным и легко узнаваемым образцом-прототипом разделены нами на скороговорки, частушки и пословичные выражения. Данные тексты характеризуются тематической близостью (размышления о коронавирусе, пандемии, карантине и т. п.) и нестандартностью языкового кода передачи информации, который создается путем реализации той или иной конкретной стратегии языковой игры.

Скороговорочные тексты, зафиксированные нами, можно разделить на две группы: 1) скороговорки, в основе которых лежит конкретный матричный прототип, легко считываемый носителем языка; 2) тексты, созданные путем использования традиционного для скороговорки языкового инструментария (намеренного сближения труднопроизносимых и сходно звучащих элементов, однокоренных единиц, инверсированных конструкций и т. д.). Так, за современным скороговорочным текстом *Коронавирус коронавирисил, коронавирисил, да не выкоронавирисил* (здесь и далее: примеры взяты из открытых интернет-источников) нетрудно увидеть прецедентную основу *Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали*, событийное содержание которой соотносится с протяженным, но безрезультатным, неэффективным действием. Ср.: *Эпидемиологи коронавирус короновали, короновали, да не выкороновали*. Эти и подобные им скороговорки демонстрируют, с одной стороны, желание носителя языка позабавиться необычной формой слова, ставшего в одно мгновение популярным, но по-прежнему странного и чужого, а с другой — содержат представление о борьбе с новой инфекцией как о процессе долгом, утомительном, финал которого остается открытым.

Более творческое преломление происходящих событий наблюдается в скороговорках иного типа: *Сидим в квартире на карантине, смотрим картины Квентина Тарантино*. Данный текст отсылает к актуальному для пандемической ситуации бытовому сюжету: рисуется незатейливая картина пребывания семьи в самоизоляции, одним из средств разнообразия досуга стал просмотр кинофильмов. В то же время этот банальный сюжет благодаря средствам языковой игры обретает яркие, веселые краски. Парономастические сближения (*квартира, карантин, картины, Тарантино*), рифмующиеся финалы (*-тире / -тине; -тины / -тина / -тино*), условный параллелизм (*сидим — смотрим*) — всё это делает данный текст занимательным, подчеркнута игровым. Ср. также: *Коронавирус нас закарантинил — мы сидим*

по своим квартирам. Помимо игры созвучными словоформами, здесь наблюдается нарочитое сближение однокоренных единиц, одна из которых является окказиональной, но созданной по ассоциативному образцу (*закарантинить* — ср.: *законопатить, закрыть, заточить, заарканить*). Любопытным также представляется следующий скороговорочный текст: *В самоизоляции самозанятой саморазвитие с самоудовлетворением совмещал*. В результате словообразовательной игры и нарочитого подчеркивания префиксоида *само-*, игрового сближения и актуализации генетически книжных слов в низменном контексте рождается образ индивида, вынужденного реализовывать все свои потребности (как интеллектуальные, так и плотские) в добровольно-принудительном заточении.

В тематическом отношении к описанным скороговорочным текстам близки «пандемические» частушки. Традиционно частушка как лирический жанр эксплицирует значимые для носителя народного сознания оценочные представления о житейских буднях и связанных с ними переживаниях. Вполне закономерно, что современная частушка, демонстрируя собственную жизнестойкость и востребованность, откликается на вызовы сегодняшнего дня. Например, проверенный временем способ борьбы русского народа с хворями и другими напастями предложен в такой современной частушке: *Чтобы вирус истребить, надо спиртом всё промыть / И посуду, и продукты, ну, и в рюмочку налить*. Смеховой эффект от восприятия данного текста базируется как на использовании самой частушечной формы, настраивающей на несерьезный лад, так и на гиперболизации предлагаемых рекомендаций: требование промывать спиртом всё, даже продукты, оценивается как абсурдное, диссонирующее с представлениями нашего брата о том, что спирт следует принимать только внутрь, ср.: *в рюмочку налить*.

Поведенческие особенности некоторых представителей социума в условиях пандемии нашли отражение в многочисленных частушечных текстах, например в таком: *Мы бумагой туалетной запаслись на десять лет / Уж двухслойная то точно укрепит иммунитет!* Частушка в нестандартной языковой форме зафиксировала ситуацию, связанную с ажиотажным спросом на отдельные товары, в первую очередь — санитарно-гигиенического назначения. Шуточное осмысление нестандартной жизненной ситуации представлено в такой частушке: *Мы на свадьбе сидели, у компьютера пьянели / Кому рожу бить — не знаю, переходим, значит, к чаю*. Свадьба как ключевое событие в жизни многих людей в соответствии с требованиями времени неожиданно перенеслась в виртуальный мир; запрет на массовые мероприятия заставил людей искать виртуальный выход из положения, но даже он противоречит естеству обычного русского человека: «толком не выпить, не закусить», «не с кем поговорить по душам», «негде кулаки почесать» и т. д. В другой лаконичной частушечной форме очень ёмко обрисована парадоксальная жизненная ситуация, связанная с дистанционной работой и обучением: *Раньше очередь была в коммуналке в туалет / Теперь очередь в семье на ноутбук и интернет*. Самоизоляция стала причиной очереди, чуждой современному быту, но существующей

в культурной памяти народа, знакомого с жизнью в коммунальных квартирах.

Тематическое и лингвокреативное многообразие частушек, отражающих представления русского человека о коронавирусе и вызванной им пандемии, не исчерпывается описанными выше текстами. Частушечный фонд постоянно пополняется, что свидетельствует как о функционально-прагматической пригодности данного жанра для текущего момента, так и о его ценности для русской лингвокультуры в целом.

Философское осмысление происходящих событий и желание говорящих зафиксировать в афористической форме опыт преодоления пандемических трудностей находит отражение в текстах, восходящих к пословичным выражениям, которые игровым образом трансформируются и интерпретируются в смеховом ключе. Так, всем известная поговорка *Сделал дело — гуляй смело* в жёстких карантинных условиях меняет свой призывный посыл на неожиданный и даже противоположный: *Сделал дело — вымой руки* или *Сделал дело — гуляй смело на балконе*. В обновленных пословичных трансформациях ощутима бытовая составляющая, отсылающая нас к требованиям элементарной санитарной безопасности: мыть руки как можно чаще, находиться дома, избегая любых контактов и прогулок. *Гулять смело на балконе* выступает как эвфемистическое обозначение вынужденного заточения в квартире и других трудностей, связанных со свободой перемещения. Ср. также: *Любишь кататься — люби и дома посидеть; Сиди на в борода — сиди дома; Вируса бояться — на пробежку не ходить; На бога надейся, а руки-то помой* и т. п.

«Масочная» тематика оказывается одним из лейтмотивов в исследуемых нами текстах, и это отнюдь не случайно, поскольку маска из предмета сугубо медицинского назначения становится атрибутом повседневного существования любого индивида, закрепляясь в его сознании как нечто ценное, необходимое и превращаясь в своеобразный ментефакт современной культуры. Ср., например, игровые контексты: *У семи нянек дитя без маски; Каше маска не помеха; По маске встречаются — по температуре провожают; Любишь кататься — люби и масочки носить* и др. Требование носить маску, возводимое в силу обстоятельств в абсолют, вызывает у современников иронию, которая находит выход в оригинальных словесных формах.

Коронавирус изменил ключевые параметры такой важной сферы человеческой деятельности, как работа, уничтожив рамки в строгих прежде оппозициях *дом — работа, личное — общественное*. Жилище, в мгновение ока превратившееся в офис, утратило свои константные характеристики, связанные с теплом, заботой и уютом, став предельно рациональным и доступным для посторонних глаз. Ср.: *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы в веб-камеру не лезло; Не всё то дресс-код, что в веб-камеру видно; У семьи удалённых — дитя без глаза* и т. д.

Гиперактуальным стало сочетание *удаленная работа*, породившее целую группу наименований, ставших ключевыми в следующих игровых пословичных трансформациях: *Удаленка удаленке рознь; Удаленщики часов не наблюдают; От удаленки до фриланса один шаг; Назвался удаленщиком — полезай в Zoom; Под лежачего удаленщика вода не течет; Удаленщик спит, а работа идет; Офисная работа — свет, а удален-*

ка — еда и плед; Не буди лихо, пока на удаленке тихо; Удаленка не волк — в лес не убежит; Работа в офисе красна делами, а удаленка — жирными боками. Удаленная форма работы представляется носителям языка, с одной стороны, как тяжелый труд, лишаящий человека личного пространства, с другой — у нерадивого работника появляется приятная возможность отсидеться дома, сытно поесть, расслабиться, забиться в праздном существовании.

Очевидно, что традиционная поговорка, будучи источником многовековой народной мудрости, сопряженной с ментальными доминантами русского этноса, подвергаясь на почве пандемии ситуативному переосмыслению, утрачивает свою назидательность и серьезность. Современные пословичные трансформации воспринимаются как смеховые зарисовки, которые не поучают в форме назидания, а иронически транслируют прагматически заряженный импликационал, будучи шутками, содержащими долю шутки.

Подводя общий итог нашим рассуждениям, отметим несколько ключевых положений. Фольклорные жанры по-прежнему — сфера мощного эмоционального выплеска, где смех становится средством преодоления преград и снятия напряжения [2, с. 150]. Современный человек, вовлеченный в активное взаимодействие с фольклорным текстом, снабжает его новыми ценностными смыслами, которые возникают как ответ на строгую регламентацию бытия. Ирония над повседневностью, самоирония, подшучивание над новыми нормами существования в социуме — всё это есть своеобразный «иммунный ответ» человека играющего коронавирусной заразе.

Базовым принципом языковой игры в большей части из представленных текстов является аллюзивно-имитативный, в основе которого лежит отталкивание от конкретного образца, окказиональная реализация какой-либо языковой модели, стереотипной языковой схемы [3, с. 40]. Говорящие, продуцируя современные шуточные тексты, невольно апеллируют к познанным моделям, прецедентным образцам, в качестве которых выступают в первую очередь традиционные скороговорочные и пословичные выражения (Ср.: *Красна изба не углами, а пирогами. — Красна изба не углами, а высокоскоростнымипроводами*). Удивительную жизнестойкость демонстрирует и жанр частушки, которая и в современных реалиях дает возможность поделиться всем, что тревожит, нетривиальным способом.

По нашему убеждению, активность, востребованность и игровое переосмысление малых фольклорных форм в современных условиях общения есть проявление жизнестойкости жанров, всё больше приобретающих антропоцентрическую и аксиологическую ориентацию, что согласуется с магистральными векторами современного коммуникативного бытия.

1. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2000. 269 с.

2. Грановская Р. М., Никольская И. М. Защита личности: психологические механизмы. СПб.: Знание, 1999. 352 с.

3. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2008. 166 с.

© Виданов Е. Ю., Муль И. Л., 2020